

ЮЛЯ ПИЛИПЕНКО

КУМИР

Харьков
«ФОЛИО»
2014

Посвящается человеку, который, находясь в интернациональном розыске, передавал пятьдесят долларов на спасение жизни моего брата... На перроне железнодорожного вокзала... в спортивных штанах с адидасовскими полосками... и в шлепках на босу ногу... Мне было шесть.

Отдельная благодарность людям, которые в безвыходной ситуации протянули руку помощи мне и моей семье... Мне было семнадцать.

Спасибо за ваши принципы и понятия.

СТОП!

Она сидела на подоконнике и всматривалась в утренний дождь. По стеклу хаотично растекались непредсказуемые струйки. Это явно было не по сценарию... Ей хотелось улыбнуться от мысли, что хоть что-то в этой жизни было не по сценарию. Дождь помогал сосредоточиться и немного отвлечься. Почему ей казалось, что все будет по-другому? Мечты сбывались, а радости это не приносило. Одно сплошное уныние и легкая доля презрения со стороны окружающих. Презрения или зависти? Или презрения и зависти? Она услышала легкий шорох простыней, который доносился из противоположного угла комнаты. Интересно, о чем он сейчас думает? И думает ли вообще? Не хотелось поворачиваться в его сторону, да и рано еще. Этот клятый гостиничный номер осточертел ей за каких-то несколько дней. А каким вообще должен быть номер в отеле? Она тасовала в памяти интерьеры «Рица», «Крийона» и «Плаза Атени»... Туда ее тоже не тянуло. К черту все. Нужно сконцентрироваться на пуговицах. Даже дурацкие пуговицы на этой безразмерной мужской рубашке застегнуты по сценарию и через одну. Через одну... и через жопу. Эта мысль ей тоже по-

нравилась и вызвала внутреннюю улыбку. В любом случае скоро все закончится. Снова звук со стороны кровати... А вот теперь пора... Она медленно обхватила свои острые колени тонкими руками, оторвала взгляд от сентиментального дождя и начала наблюдать за тем, как он, уткнувшись в подушку, шарит рукой по ее половине кровати king-size.

— Можно вопрос? — Никогда еще ее голос не звучал так робко и приглушенно.

— Задавай, — раздался тихий мужской хрип.

— Почему говорят, что в первый раз трудно выстрелить в человека?

— Почему только в первый? Ты считаешь, что второй раз легко?

— Я не знаю. Поэтому и спрашиваю...

Он нехотя пошевелился и повернул голову в сторону окна, на секунду приоткрыв глаза. Спать хотелось невыносимо. Ее хотелось еще больше, чем спать. Эти роскошные километровые волосы и массивный крестик на хрупкой шее не давали ему покоя уже несколько дней. Впрочем, километровыми были не только волосы, а массивными не только ее крестик и серьги. В голове мелькнула мысль: «Сколько же ты убила?» — но он сонно выдавил:

— Потому что человек жив до тех пор, пока ты в него не выстрелишь.

— Но он же все равно умрет. Рано или поздно... — не унималась она.

— Умрет. Но тогда, когда ему суждено.

— Но если ты в него выстрелишь и он умрет, значит, ему было суждено умереть тогда, когда ты в него выстрелил?

— С этим не поспоришь. Скажи, а кому из нас ты сейчас пытаешься найти оправдание?

Дождь перестал, и она потеряла интерес к окну и подоконнику. Бесшумно спрыгнув на холодный пол и затаив ды-

хание, она стояла и заворуженно изучала его сонное лицо в первых лучах их общего рассвета. Это было самое мужское лицо в ее жизни. Жесткое, безжизненное и в то же время красивое.

— Никому... я... я просто люблю тебя таким, какой ты есть...
Дождь кончился.

Он открыл глаза, резко приподнялся на заскрипевшем от мускулистого тела матрасе и успел произнести только одно слово, которое уже можно было не произносить:

— ОТОЙДИ...

Раздался глухой звук. Она растерянно опустила на колени. На белой мужской рубашке со стороны единственного левого кармана расплывалось ярко-красное пятно крови. Молниеносно скатившись с кровати, он оттащил в сторону ее тело, в котором быстро умирало молодое и неуверенное в себе сердце. Он запустил дрожащие пальцы в копну ее теплых густых волос, склонился над правильными чертами лица и оживил мертвую тишину каким-то животным криком:

— НЕЕЕЕЕТ... Господи... пожалуйста... не ее... Только не ее...

— СТОООП, — раздался душераздирающий вопль раздраженного режиссера.

Актер резко подорвался на ноги, бросив в лежачем положении только что «убитую» девушку, и с нескрываемым отвращением посмотрел на режиссера:

— Ну, что опять?

— С тобой ничего. А вот к ней, — режиссер навел свой пухлый палец на уже успевшую ожить актрису, — у меня есть вопросы. Скажи мне, кто так умирает?

— Как... так? — слегка проиронизировала актриса, по-турецки расположившись в углу, где только что умирала.

Лицо режиссера покрылось тремя пунцовыми пятнами (эта своеобразная реакция организма преследовала его

с раннего детства), и слюни творческого негодования накрыли всех присутствующих, как внезапный тропический дождь:

— Да ты заплакать должна... Ты ему только что в любви призналась... Он для тебя — все... понимаешь? То, что ты всю жизнь искала, хотела... вот оно — перед тобой... вся твоя жизнь. А в тебя стреляют... и забирают у тебя эту жизнь... Он ревет над тобой... а ты хлопаешь нарощенными ресницами, как восторженная дура. Ты чего? Да если бы мне нужна была такая эмоция, я бы взял напрокат манекен из стокового магазина... Показать тебе, как ты умерла? Да тебе зритель не поверит... тебе...

— Нормаально умерла, — резко перебил его актер. — Что ты к ней привязался? Кто на нее смотреть будет в этот момент? Ей не поверят? Ей поверят, даже если она, умирая, будет пузыри от жвачки наддувать. Ей поверят, потому что мне поверят. И на этот фильм пойдут, потому что на меня пойдут. Так что хватит ее задрачивать!

Юная актриса с восхищением и благодарностью стреляла глазами в сторону своего неожиданного защитника, который ловил все новое и новое вдохновение от ее восторженных взглядов и уже не мог выйти из роли благородного рыцаря. В этот момент оператор нежно почесал свою брутальную бородку и тихонечко шепнул на ухо новому коллеге, с которым пару часов назад проснулся в похожем гостиничном номере:

— О... пошел звездить... Ты смотри, как заступается за нашу проплаченную «киску».

— Слушай... не было бы «киски», так сидели бы сейчас без работы. Пусть позвездит... Он — звезда. Ему можно, — зевнул коллега, все еще не опомнившись после бурной ночи с оператором Андреем.

— Потому-то ему и с рук все сходит... потому что такие, как ты, считают, что таким, как он, все можно...

— Андрей, ты просто ревнуешь. Угомонись. Он у нас дамский угодник.

Режиссер продолжал активно спорить с актером, в экстазе жестикулируя, как стержовная итальянка в свои самые бурные годы:

— Гога! Да у меня всегда — лучшая команда... что ты начинаешь? Ты сам не видишь, что она ни хрена не справляется? Ты...

Но свидетели и участники сцены не успели дослушать, что должно было последовать после «Ты...», и виной этому стала молодая и очень несимпатичная барышня, которая поставила недалеко от Гоги стакан с апельсиновым фрешем и неудачно совершила попытку быстрой капитуляции.

— Сюда иди, — прорычал Гога, изучая содержимое в стакане.

— Это вы мне? — обернулась перепуганная ассистентка.

— Тебе. Что это? — Гога поднес фреш к лицу косящей на один глаз девушки.

— Вы... просили... фреш...

— Из каких фруктов?

— А...пель...си...ны...

— Тебя как зовут?

— На...деж...да... — проямлила растерявшаяся в конце фреш-разносчица.

— На...деж...да... Ты когда-нибудь видела, чтобы я пил просто «а-пель-си-ны»?

— Я... здесь первый день. Вы сказали «апельсиновый»...

— Надежда... б..., запомни: я пью апельсин-яблоко. Яб-ло-ко. Или это также трехсложно, как твое имя? Забери на х...н.

По лицу косоглазой Надежды неконтролируемым потоком потекли слезы. Она растерянно забрала стакан из рук Гоги, парализованно продолжая стоять на месте и будучи не в силах изменить место собственной геолокации.

— Вот подонок... он же просил апельсиновый, — рывкнул оператор своему новому коллеге-любовнику.

Гога невозмутимо повернулся к режиссеру и сделал кивок головой в сторону убитой горем ассистентки:

— Может, возьмешь на главную женскую роль НА-ДЕЖ-ДУ? Смотри, какая эмоция...

— Перерыв! После обеда продолжим, — раздраженно сказал режиссер.

Съемочная группа вальяжно расплзлась по сторонам. Режиссер задумчиво посмотрел на Гогу, который уже явно успел забыть о происходящем секунду назад.

— Гога! На минутку... можно?

Гога с искренней улыбкой подошел к режиссеру и по-дружески его приобнял.

— Гог... ну чего заводишься? Но она же бездарная...

— Бездарная, — согласился Гога с удивительным спокойствием.

— Так для чего весь этот цирк?

— А для чего ты брал ее на главную роль? Ты считал, что ее талант равен той сумме, которую заплатили за ее участие в фильме?

— Ну не могу я, понимаешь? Я не привык так работать... Мне же не тридцать лет... и не сорок... Понимаешь? Я старой закалки.

— Паш, понимаю... и не понимаю одновременно. Я уважаю тебя, как режиссера и профессионала своего дела. Но давай посмотрим на факты: ты взялся за дерьмовый фильм, у которого откровенно дерьмовый сценарий, но прекрасный бюджет. Не ты, не я в жизни бы такое попсовое говно не смотрели. Ты — поклонник Годара и Бертолуччи, а мне нравится кино, которое делал Бергман. Но что мы имеем? Мир деградирует и продается. И ты продаешься. И я продаюсь. Потому что если бы мы с тобой не любили бабки, я не играл бы киллеров в кино, а ты бы такое кино не снимал. Ты согласен?

Режиссер, молча согласившись, полез в карман за культовой пачкой французских “Gitanes”.

Содержание

Стоп!	4
Стоп?	10
Снято!	17
The party	24
After-party	30
Zed's dead, baby	36
Эмбрион	42
In God we trust	52
Тайная вечеря	57
Good morning	65
Почему?	70
Аня	77
Куда?	82
Fasten seat belt	89
Город Хороших Ветров	96
Разговор в ресторанчике	104
Второй подарок в ее жизни	114
Что такое «быть с ней»?	122
Don't cry for me, Argentina... ..	128
«Ане от Гоги... Успехов!»	135
Однажды в 90-е	142
Первый выстрел по живому	149
Я ненавижу слово «лучше»	156
Стукач	165
Выбор № 3	170
Правила простые	176
Конец	184